

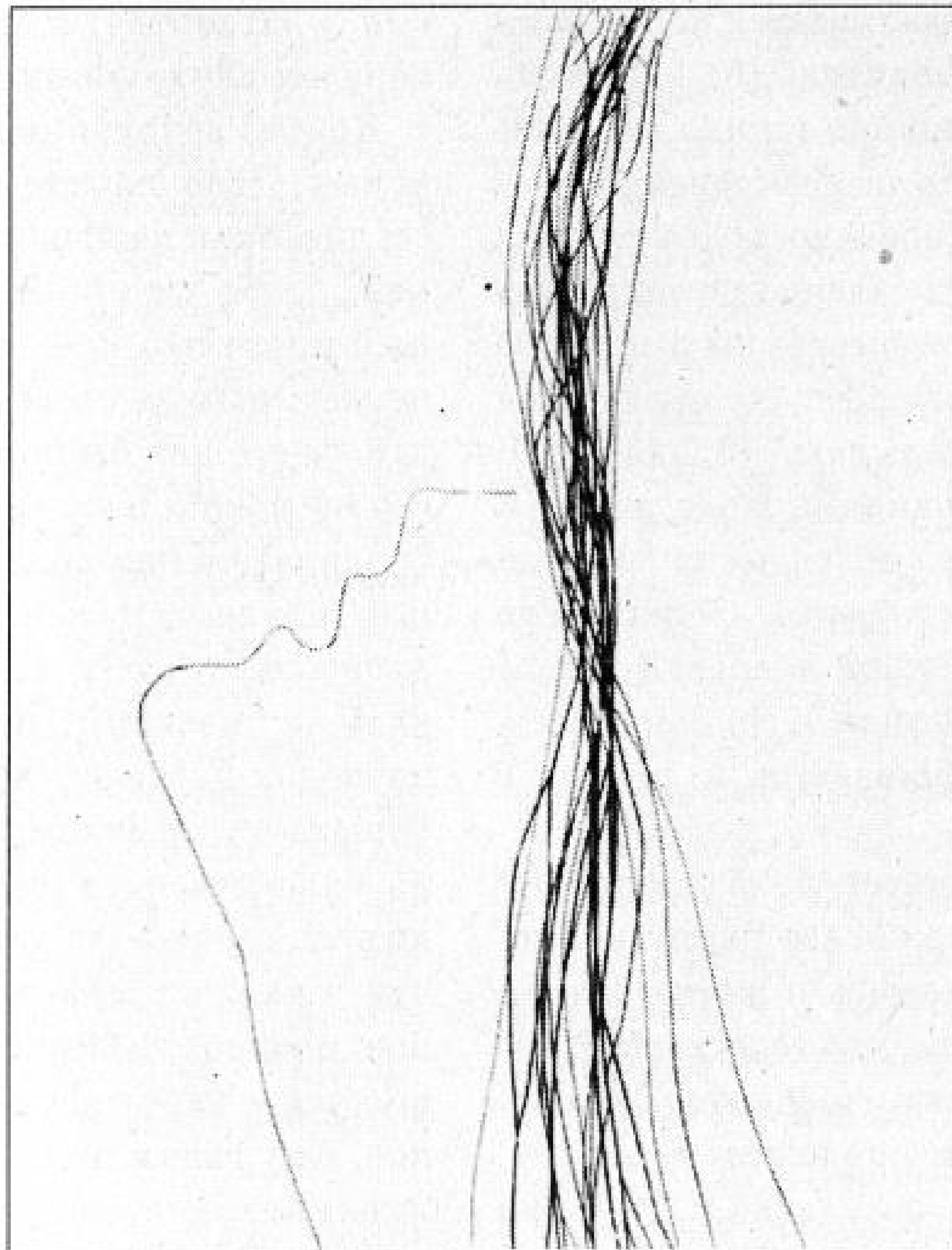
коленопреклонении как о падении. Он сначала упал на землю, а потом встал на колени, поклонился и “поцеловал эту грязную землю”. Но тот народ, которому, по словам Сони, должен был поклониться Раскольников, по-разному оценил его действия: “Раздался смех. — Это он в Иерусалим идёт, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил какой-то пьяненький из мещан. — Парнишка ещё молодой! — ввернул третий. — Из благородных! — заметил кто-то солидным голосом. — Ноне их не разберёшь, кто благородный, кто нет” (6; 405). Эти отклики и разговоры удержали Раскольникова от последнего покаяния:

“...слова я убил, может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нём”.

После ссоры с Разумихиным Раскольников на Николаевском мосту “плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски” (6; 89). “За дело!” — кричали кругом. “Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колёса; а мы за него отвечаем”. Именно такой смертью, очень похожей на самоубийство, погиб Мармеладов. Его *трижды* криком предупреждал кучер. Раскольникову тоже “три или четыре” раза кричал кучер, а когда это не возымело действия, кнутом прогнал его с середины дороги. Физическое насилие (пушкой и с благой целью) избавляет Раскольникова от физической же смерти, но он тут же отказывается от милостыни.

В финальной сцене его покаяние, совершённое под ударами, если можно так выразиться, “нравственного кнута” со стороны Сони, не окончательно, даже после коленопреклонения (его падение действительно — лишь трансформация падения пьяного, пляшущего человека, и окружающие правы — пока он целует только грунт, а не Землю). До истинного перерождения ещё далеко, и оно, по Достоевскому, не может совершиться при помощи насилия любого рода.

Что же направит Раскольникова на путь нравственного возрождения? Очевидно, что это не Порфирий Петрович, не поручик Порох³, не мать и сестра, приносящие ему жертву, и даже не Соня, во всяком случае, в тот момент, когда она “звонким как металл, громким, восторженным, крепким и энергич-

ным” голосом сообщает ему легенду о Лазаре, а потом с “неожиданно появившейся силой” хватает его за обе руки и смотрит на него “огненным взглядом” (6; 322). Кстати говоря, Раскольников боялся, что Соня возьмёт на себя роль “страстной и сильной проповедницы”. Так что же?

После коленопреклонения на площади Раскольников идёт в контору к Пороху, но возвращается, всё-таки не найдя в себе силы признаться. Соня встретила его бледная, вся помертвевшая, “что-то больное и измученное выразилось в лице её, что-то отчаянное”. И она делает жест самый наивный и простодушный, самый женский, даже бабий и детский и одновременно молит-

венный — “она всплеснула руками” (6; 409). Именно этот жест остановил Раскольникова, он вернулся и сделал признание.

Но его признание только начало. Несмотря на то, что в финальной сцене романа перед Раскольниковым открывается широкая панорама (образ открытого пространства редко встречается в творчестве писателя) библейского мира с “авраамовыми стадами”, а Соня своим последним движением “приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку” (6; 421), Евангелие рядом с ним всё ещё закрыто, а положение тела такое же, как очень часто в начале романа, — “лежит”. Достоевский как бы возвращает его в некую исходную точку, всё дальше и дальше отодвигая момент исцеления, превращая его в трудный и длительный процесс.

Примечания

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 6. С. 6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

² Назиров Р.Г. Семантика движения в романах Достоевского // Литература в движении эпох. М., 2002. С. 74.

³ Ю.П. Мармеладов в своей книге замечает, что этот персонаж связан с образом Ильи-пророка, громовержца с его карающей силой (Мармеладов Ю.П. Тайный код Достоевского. СПб., 1992). Но мы уже убедились, что насилие не пугает Раскольникова и не эти силы приведут его к очищению.